

УДК 271.2-76(571.1/.5)(091)
<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2023.46.5>

Христианизация народов Сибири как составная часть окраинной политики Российской империи (XVIII – начала XX в.)

Л. М. Дамешек*

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Через призму окраинной политики империи рассматривается миссионерская деятельность Русской православной церкви по распространению христианства среди аборигенов Сибири. Анализируются методы, пути и средства достижения поставленной цели, «борьба» православной церкви с ламаизмом, протоколы заседаний и решения сибирских съездов православных миссионеров. Подчеркивается, что принятие православия аборигенами рассматривалось правительством как составной элемент политики инкорпорации, что являлось важным социокультурным процессом.

Ключевые слова: Российская империя, окраины, аборигены Сибири, христианизация, «борьба» с ламаизмом, политика инкорпорации, социокультурный процесс.

Для цитирования: Дамешек Л. М. Христианизация народов Сибири как составная часть окраинной политики Российской империи (XVIII – начала XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2023. Т. 46. С. 5–20. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2023.46.5>

Original article

Christianization of Siberian Inhabitants as Part of the Russian Empire's Peripheral Policy (Between the 18th and the Early 20th Century)

L. M. Dameshek*

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. An important historical feature of Russia was the Europe-Asia divide factor. The two parts of the country differed considerably in terms of geography, climate, infrastructure, distance from borders and from the center, ethnic composition and population denomination. The recognition of the imperial heterogeneity requires historiographers to take a differentiated approach to studying and evaluating imperial peripheral policy. This notion covers the important areas of regional politics, from the imperial ideology and practices in the regional dimension to the establishment of the internal and external boundaries of a region and the dynamics of administrative organization as well as administrative activities within a given territorial space. In addition to administrative and judicial

institutions, a unified monetary system, communications, taxes, the state language and the Russian Orthodox Church played a huge role in the development of authority in the region. All the religious activities of the government in the eastern part of the Empire were marked by the great importance of the Russian Orthodox Church, especially its missionary work. The latter, according to the official authorities, “revived” only in the nineteenth century, with the appearance of new figures of inorganic education and a number of “public” organizations patronized by the authorities (the Russian Bible Society, the Society for the Distribution of Holy Scripture in Russia, the Orthodox Missionary Society). The Orthodox Missionary Society was headed by the famous Aleutian-Kamchatian missionary and, from 1868, Metropolitan Innocent Veniaminov of Moscow and Kolomna. The Empress was proclaimed the Society's patroness. Diocesan bishops headed the society's local branches, established in all 11 Siberian dioceses. About 50 % of the Society's funds went to support the Siberian missions each year. Much attention was paid to the training of missionaries of local nationalities in seminaries and at the universities of Kazan and St Petersburg, while the Synod officially allowed worship in local languages in Siberian dioceses. Conventions of Orthodox missionaries played an important role in spreading Orthodoxy as a means of integrating the aboriginal people in the east of the empire. By the end of the 19th century, the number of dioceses in the region had risen to 12, and the number of churches in the Irkutsk diocese had increased by 46 %, in the Tobolsk diocese by 52 % and in the Tomsk diocese by 45 %. 88 new parishes had been opened in the churches of the Siberian dioceses, 33 of which were financed entirely by the state's treasury. At the same time, eight Orthodox missions were permanently active in the vast territory of Siberia and the Far East. The number of missionary priests had increased rapidly. A small number of missions are found only in the northern territories of Siberia – Berezovsky and Turukhansky districts. Meanwhile, missions like those in Altai, Irkutsk and Trans-Baikal are stepping up their activities. The Russian state's confessional policy towards the Siberian “indigenous peoples” was an inseparable part of the imperial policy in Siberia as a whole.

Keywords: Russian Empire, edge (of the country), aborigines of Siberia, Christianization, “struggle” with Lamaism, policy of incorporation, socio-cultural process.

For citation: Dameshek L.M. Christianization of Siberian Inhabitants as Part of the Russian Empire's Peripheral Policy (Between the 18th and the Early 20th Century). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2023, vol. 46, pp. 5–20. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2023.46.5> (in Russian)

Религиозная политика на Востоке являлась составной частью окраинной политики правительства, направленной на упрочение единства Европейской и Азиатской России в рамках романовской империи. Эти две части огромного государства, незримо делившиеся Уральскими горами на Европейскую и Азиатскую Россию, существенно отличались друг от друга географически, природно-климатическими условиями, инфраструктурой, удаленностью от границ и центра стран, этническим составом и конфессиональной принадлежностью населения.

Это косвенное признание неоднородности империи явственно выдвигает перед историописателями требование дифференцированного подхода к изучению и оценке окраинной политики империи, ее многофакторности и многоплановости, которая в последнее время все чаще характеризуется исследователями как политика «имперского регионализма» [5; 7]. Данное понятие охватывает важные сферы региональной политики – от имперской идеологии и практики в региональном измерении до установления внутренних и внешних границ региона, динамики административного устройства и управленческой деятельности внутри конкретного территориального пространства.

Россия как империя постоянно расширялась, включая в свое государственное пространство все новые территории и народы, различные по многим социально-экономическим и социокультурным параметрам. За решением первоначальных военно-политических задач неизбежно следовали задачи административного обустройства и последовательной интеграции региона в имперское пространство. Кроме административных и судебных институтов, во властном освоении пространства огромную роль играла единая денежная система, коммуникации, налоги, государственный язык, русская православная церковь. В 1825 г в русскую православную церковь входило 37 епархий. В 1841 г. их было уже 50, в 1851 г. – 55, в 1861 г. – 58 [6, с. 45].

На территории Сибири в середине XIX в. действовали 4 епархии – Тобольская, Томская, Иркутская и Енисейская. Во всех мероприятиях правительства в религиозной сфере лежит печать большой значимости русской православной церкви, особенно ее миссионерской деятельности. Подчеркивая это, обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев писал в 1892 г. в статье, посвященной памяти известного проповедника православия, директора казанской учительской семинарии Н. И. Ильминского, что в течение XVII и XVIII вв. миссионерское дело в России было «окутано тьмой и пребывало в застое». Тогда «забота» правительства об утверждении веры «ограничивалась лишь внешними мерами предписаний, наград и наказаний». Лишь во второй четверти XIX в. миссионерское дело «оживает» и появляются «новые деятели инородческого просвещения на дальних окраинах России»¹. Утверждение это не является частым мнением главы русской православной церкви. В 1914 г. светские власти официально признали, что «миссионерская деятельность получила свое полное развитие» только в XIX столетии [1, с. 215].

Оживление миссионерской деятельности в начале XIX в. официальная церковь связывала с основанием в декабре 1812 г. в Петербурге Российского библейского общества [10, с. 1–294], почетным членом которого являлся император Александр I. При активной поддержке правительства общество вскоре обзавелось огромным капиталом, организовало перевод библии на 40 языков народов России и издало ее тиражом в 876 тыс. экз. В 1819 г. было открыто Иркутское отделение Библейского общества. Его директорами стали преосвященный Михаил (в миру Матвей Бурдуков) и генерал-губернатор М. М. Сперанский. Членами общества были в свое время гражданский губернатор И. Б. Цейдлер, городской голова К. М. Сибиряков, купцы Кузнецов, Трапезников, Саватеев и др.² Годом раньше отделение общества появилось в Забайкалье, точнее в Селенгинске.

В 1863 г. возникает Общество для распространения священного писания в России. Однако самой крупной организацией такого рода стало православное миссионерское общество. В его уставе говорится, что оно утверждается для «распространения православного христианства между язычниками империи».

¹ Прибавления к «Церковным ведомостям». 1892. № 7.

² Иркутская летопись. Летописи Перемского и Кротова. Иркутск, 1911. С. 223.

Деятельность общества предполагалось «прежде всего обратить к местностям Алтая и Забайкалья... по многочисленности язычников, там обитающих». Затем, по мере «развития средств общества», оно «предоставляло себе право расширить свою деятельность на язычников, обитающих... в других местах России»³. Членам общества рекомендовалось в своей практической деятельности убеждать аборигенов в том, что «у разных людей могут быть свои языки, свои обычаи и даже свои правительства», но «вера у всех людей должна быть одна». Священнослужителям рекомендовалось для «возбуждения усердия... к переходу в христианство указать награды, которые удостоивает за такие действия государь император»⁴. Во главе общества был поставлен известный алеутско-камчатский миссионер, а с 1868 г. митрополит Московский и Коломинский Иннокентий Вениаминов (в миру И. В. Попов).

Покровительницей общества была провозглашена императрица Мария Федоровна; отделения общества, открытые в 56 епархиях, в том числе в 11 сибирских, на местах возглавляли епархиальные архиереи. К 1888 г. в рядах общества насчитывалось 9,5 тыс. членов, доходы от добровольных пожертвований составляли 287 тыс. руб., к 1893 г. они возросли до 331 186 руб., а к 1894 г. – до 352 136 руб. В 1895 г. на счетах общества скопилась огромная сумма в 1 289 369 руб. Основными источниками денежных поступлений были добровольные пожертвования, кружечный сбор, торговля в церквях различными предметами церковной утвари⁵.

В конце XIX в. общество оказывало материальную поддержку всем православным миссиям России и за ее пределами, но на содержание сибирских миссий ежегодно шло не менее 45,5 % денежных средств общества. В годы первой русской революции это соотношение не изменилось – около 48 % денежных средств шло на христианизацию народов Сибири⁶ [9, с. 361]. Наряду с этим правительство пыталось изыскать и иные средства привлечения сибирских аборигенов к православию. В 1867 г. в Казани было основано «Братство святого Гурия», имевшее целью «просвещение инородцев поволжских и сибирских путем издания религиозных книг в переводе на инородческие языки» [10, с. 217]. В 1878 г. при нем была организована комиссия переводчиков во главе с директором казанской инородческой учительской семинарии Н. И. Ильминским. В состав комиссии вошли профессора Казанской духовной академии С. Г. Саблуков, В. В. Миротворцев и др.⁷

Несмотря на все усилия, сибирские аборигены плохо усваивали догматы веры, зачастую совершенно не понимая русских священников. Именно поэтому Синод официально разрешил в сибирских епархиях богослужение на языках местных народов, поручив контроль за этим епархиальным архиереям [9, с. 436]. Такую же цель преследовали попытки обучения миссионеров языкам местных народов. Но такие случаи бывали довольно редкими. В 1907 г. из 23 миссионеров – священников Иркутской миссии – только один

³ РГИА. Ф.796. Оп. 145. Д. 1134. Л. 42 об.

⁴ ГАРБ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 33. Л. 17.

⁵ Библиотека РГИА. Печатные записки. № 3177. С. 361.

⁶ Устав православного миссионерского общества. СПб., 1869. 14 с.

⁷ РГИА. Ф.796. Оп. 159. Д. 1380. Л. 9 об.

Михаил Мохочкеев был бурятом, все остальные миссионеры были русскими⁸. В забайкальской православной миссии в 1885 г. из 25 миссионеров было лишь три бурята⁹.

Подготовка миссионеров для сибирских епархий велась в трех духовных училищах Сибири: Бийском катехизаторском училище, Иркутской церковно-учительской семинарии и Читинском центральном училище [10, с. 218]. Однако эти учебные заведения не могли удовлетворить постоянно растущую потребность в миссионерах. По официальному признанию духовных властей, в Сибири постоянно ощущалась «потребность безотлагательного умножения» последних¹⁰.

Совет православного миссионерского общества, «имея рассуждение о малом преуспейнии проповеди слова божьего...», между язычниками Сибири был вынужден присылать в край миссионеров из епархий Европейской России. Одну из основных причин такого положения члены синода видели в незнании миссионерами языков сибирских народов и ведении проповедей «через переводчика». Поэтому Синод решил направить в Петербург для получения «полного миссионерского образования с обучением сверх того при здешнем университете монгольскому языку семь-восемь детей местного духовенства, а еще лучше детей крещеных бурят»¹¹.

Осенью того же года в Петербург прибыла первая группа выпускников Иркутской духовной семинарии – семь человек. Все они были детьми местного духовенства. В бурятских семьях отправлять детей в неведомую столицу желающих не нашлось. Четверо из вновь прибывших иркутян – Г. Попов, М. Митропольский, Е. Писарев, В. Карелин – были зачислены слушателями в духовную академию, остальные – В. Миротворцев, А. Карелин, И. Корнаков – в высшее отделение семинарии. Все вновь прибывшие должны были изучать монгольский язык. Спустя три года, в 1861 г. шесть слушателей попросились вернуть их в Сибирь для практического закрепления навыков разговорной речи. Свои познания в языке они считали достаточными для «будущей их миссионерской деятельности»¹². Выпускник же М. Митропольский по возвращении в Иркутск «решительно отказался» не только от миссионерского служения, но и вообще подал на имя Александра II прошения об исключении его из духовного звания и переводе в светское. Такое «неблагодарное поведение» вызвало резкое осуждение епископа Парфения (П. Т. Попов). Дело в 1863 г. дошло до Синода, от имени которого Митропольскому было объявлено, что он может быть уволен из духовного звания не иначе как возвратив в казну истраченные на его обучение деньги¹³.

Одновременно с этим продолжалось организационное переустройство ведомства православной церкви в Сибири. К концу XIX столетия число епархий в крае возросло до 12. За полвека число церквей в Иркутской епар-

⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 188. Д. 7797. Л. 24.

⁹ Там же. Оп. 445. Д. 308. Л. 60.

¹⁰ Там же. Д. 306. Л. 3.

¹¹ Там же. Оп. 139. Д. 325. Л. 1.

¹² Там же. Д. 325. Л. 14, 21, 22.

¹³ Там же. Л. 29–30.

хии увеличилось примерно на 46 %, Тобольской – на 52 %, Томской – на 45 %. За период с 1883 по 1893 г. при церквях сибирских епархий было открыто 88 новых приходов, из которых 33 полностью содержались за счет казны. Наряду с этим на огромной территории Сибири и Дальнего Востока постоянно действовало 8 православных миссий. Наблюдается быстрый рост численности священников-миссионеров. Немногочисленные, своего рода «временные» миссии встречаются только в северных территориях Сибири – Березовском и Туруханском округах. В то же время такие миссии, как Алтайская, Иркутская, Забайкальская, активизируют свою деятельность, растут их численность, упрочивается финансовое положение.

К моменту описываемых событий в России тесная связь государства с православным духовенством насчитывала ни одно столетие. На протяжении всей истории отношения православной церкви и государства приобретали различный характер. Однако правильность политики насаждения православия на окраинах империи, практиковавшаяся в XVIII в., подавление иных религий оказались под сомнением прежде всего с точки зрения лояльности окраинных инородцев империи, а с другой – выстраивания отношений с сопредельными странами. Полиэтничность государства, как и религиозное многообразие подданных, не рассматривалась как нечто ненормальное. Важен был факт принадлежности к определенной конфессии, что расценивалось как свидетельство наличия морали, порядка и послушания закону, пусть и с национальными очертаниями. Поданные российской империи исповедовали все основные религии мира, а принадлежность к иной, отличной от православия, конфессии рассматривалась правительством ни как отступление от государственных законов, а как важное условие социального порядка.

В конечном итоге, по убеждению сановного Петербурга, любая религия при соответствующей имперской надстройке была способна служить государственным интересам России. Именно этими соображениями руководствовалась дочь великого Петра императрица Елизавета Петровна, когда своим указом 1741 г. официально признала буддизм одним из вероисповеданий России и утвердила штаты буддийского духовенства. Однако нельзя не признать, что все империи в конечном итоге стремятся к единообразию, в том числе и религиозному, источником которого должен быть сюзерен – монарх. Именно поэтому конфессиональная политика Российского государства в отношении сибирских «инородцев» была неразрывной составной частью имперской политики в Сибири в целом. В основе всех мероприятий самодержавия в церковной сфере в Азиатской России лежит признание большой политической и социокультурной значимости распространения православия среди инородцев. Принятие православия аборигенами рассматривалось как составной элемент политики инкорпорации.

В то же время это был и важный социокультурный процесс. Таким образом, в российской колонизационной модели восточных окраин империи политические и социокультурные цели взаимно дополняли друг друга. Конфессиональное разнообразие народов России рассматривалось правительством как вынужденное, временное явление. Даже в конце XIX в. в Восточ-

ной Сибири нередки были случаи массового крещения бурят по различным «поводам», «случаям» и т. д. В 1891 г. в Иркутской губернии в аларских степях в связи с проездом цесаревича Николая Александровича развернулась массовая кампания по крещению бурят. В Петербург прибыла с жалобами целая бурятская делегация. Она не была принята царем, но слухи об этих безобразиях проникли в печать. Даже князь В. П. Мещерский, издатель неизвестного «Гражданина», по данному поводу замечал, что слухи эти «весьма неутешительны», а религиозные преследования в Прибайкалье напоминают «самые лютые времена»¹⁴.

Однако в соседней, Забайкальской области, религиозная политика государства по отношению к бурятам была иной. Отсутствие четкой обозначенной цинской границы, пограничной стражи, традиционное кочевое скотоводство бурятских племен, требовавшее постоянного перемещения на больших земельных пространствах, наконец, мощные, сложившиеся на протяжении веков буддистские традиции вынуждали правительство при выработке конфессиональной политики в этом специфическом регионе империи мыслить не только категориями религиозного, но внешнеполитического порядка. Последний фактор напрямую соприкасался с экономическими интересами России в этой части Азии, связанными с сохранением статус-кво в области, выгодной для России торговли с Китаем. В условиях нарастающей активности Великобритании в регионе, зачастую недружественной политики последней на Дальнем Востоке «ламский вопрос» становился еще одной опорной базой для продвижения интересов России в Приамурье.

В Восточной Сибири буддизм стал распространяться с середины XVII в. Русский посол в Китае Николай Спафарий во время своего трехлетнего путешествия по Сибири тщательно вел дневник, в котором применительно к Забайкалью 70-х гг. XVII в. отмечал наличие «ламских юрт» в долине р. Селенги¹⁵. Однако только после формального определения границы России и Китая в 1727 г. царское правительство приступило к регламентации положения буддистов в России. Первым нормативным актом российского правительства в этом отношении стала Инструкция пограничным дозорщика 1728 г. С. Л. Владиславича-Рагузинского, которая четко определила автокефалию еще не существующей буддийской церкви и предписала готовить лам исключительно из среды местного бурятского населения [2]. В 1741 г. указом императрицы Елизаветы Петровны буддизм был официально признан одним из вероисповеданий России и утверждены штаты буддийского духовенства.

В 1822 г. Устав об управлении инородцев М. М. Сперанского подтвердил право сибирских инородцев на свободу вероисповедания¹⁶. Однако наступательное движение русской православной церкви на народы Сибири, с одной стороны, и сокращение доходности края с другой, породили в определенных кругах российской администрации сомнения в правильности такой

¹⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 73. Л. 9.

¹⁵ Записки русского географического общества по отделению этнографии. Т. 10, вып. 1. СПб, 1882. 497 с.

¹⁶ ПСЗ-1. Т. 38. № 29126. Ст. 288.

политики. Растущие недоимки в Забайкалье, неприятие бурятами православия стали напрямую связывать с принятием в 1853 г. известного положения о ламайском духовенстве и быстрым ростом числа лам (в середине XIX в. общее число жителей-буддистов достигло 125 тыс. чел., а число священнослужителей 4556) и освобождением последних от уплаты налогов [3]. Именно поэтому в 30-х гг. XIX в. возник ряд проектов по ужесточению политики в отношении буддийской церкви в Забайкалье.

Совместное наступательное движение православной церкви и государства в отношении коренных народов Сибири проявлялось в миссионерских съездах, которые были призваны выработать единые политико-идеологические и организационные мероприятия, направленные на упрочение положения «первенствующей и главенствующей» церкви в Сибири. Первый такой съезд состоялся в Иркутске летом 1885 г. Подчеркивая единство политических целей церкви и государства, указ Синода от 8 апреля 1885 г. гласил, что съезд духовных и светских властей Сибири проводится «для совместного обсуждения вопросов, касающихся настоящего состояния православия в пределах Сибирского края с целью выработать общие для всех сибирских епархий меры к развитию проповеди Слова Божия среди язычников».

Власти тщательно готовились к первому съезду сибирских «святителей». В миссионерские станы было разслано специальное послание, в котором предписывалось провести съезды местных миссионеров, на них обсудить «все вопросы... состояния миссии в каждом стане» и о мерах «к преуспеванию препятствий к принятию инородцами святого крещения». В работе Иркутского съезда приняли участие высшие сибирские иерархи: архиепископ Иркутский Вениамин, епископы Томский Владимир, Енисейский – Исаакий, Селенгинский – Мелетий, Киренский – Макарий. Кроме того, в работе съезда участвовали генерал-губернатор Восточной Сибири А. П. Игнатьев, приамурский генерал-губернатор А. Н. Корф, военный губернатор Забайкальской области Я. Ф. Барабаш. Заседания съезда были открытыми лишь частично. А. Н. Корф вообще настаивал на проведении закрытых заседаний, «чтобы не возбуждать неблагоприятных толков» среди бурят [3, с. 66]. Архиепископ Вениамин, наоборот, ратовал за проведение открытых заседаний, дабы буряты поняли, «чего должно ждать от них христианское правительство», и не надеялись на продолжение покровительственной политики по отношению к ламаизму.

Съезд проходил в обстановке наступившей политической реакции в стране, т. е. в очень благоприятное для воинствующей православной миссии время. Заседания съезда, а их было пять, проводились открыто, однако обсуждение на нем так называемого бурятского вопроса не афишировалось. Ничего не говорилось об этом и в отчетах о работе съезда, опубликованных в печати. Одно из центральных мест в работе съезда занял вопрос «по обращению инородцев Сибири, особенно забайкальских бурят к христианству». Подлинные причины пристального внимания участников съезда к этому вопросу были без обиняков сформулированы на первом же заседании. «Этого требует, – констатировал съезд, – великая и высокая важность обращения

инородцев к христианству во всех отношениях – и в религиозно-нравственном, и в гражданском, как верный шаг к объединению их с русским народом и обрусению». На последующих трех заседаниях вопрос этот был «подвергнут всестороннему рассмотрению». Обращает на себя внимание то обстоятельство, что участники съезда требовали не только усиления пропагандистско-идеологической работы священнослужителей, но и настаивали на проведении таких мер, которые нуждались «в утверждении в законодательном порядке». В журнале заседания съезда от 24–26 июня отмечается, что такие меры были предложены вниманию членов съезда представителями гражданской власти. Таким образом, в вопросах насаждения «русскости» церковь и государство выступали с единых позиций.

В итоге участниками съезда были выработаны решения, реализация которых могла бы, по мысли светских и духовных властей, способствовать усилению процесса христианизации аборигенов. Сам характер этих рекомендаций был таков, что осуществление их было возможно с помощью не церковных, а именно государственных органов. Решения съезда рекомендовали провести размежевание земель аборигенов и посадить кочевника на душевой надел оседлого земледельца. Это должно было, констатировал съезд, «заставить инородцев-сибиряков перейти от кочевого быта к оседлому, что даст возможность удобнее и успешнее распространять между ними христианство». Освободившиеся земельные участки предлагалось передать в пользование русским крестьянам – православным. «Живя в соседстве с последними», инородцы, по мысли участников съезда, «будут не только заимствовать русские православные нравы, но и христианские понятия». Все это вместе взятое должно было служить одной цели: «способствовать обращению их (аборигенов. – *Авт.*) в христианство» [3]. Рассуждения эти в определенной степени не были лишены здравого смысла. В конечном итоге развитие земледелия и усиление оседлости народов Сибири было делом объективно прогрессивным, как и сам процесс сближения и взаимовлияния русского и коренного населения Сибири. Однако в данном случае эта идея в руках православных церковников и сибирской администрации превращалась в орудие насильственного обезземеливания и разорения скотоводов.

Аналогичные противоречия наблюдаются и при анализе предложений съезда, относящихся к вопросу административного устройства народов Сибири. Органы управления народами края, введенные Уставом 1822 г., предполагались к упразднению. Вместо них рекомендовалось ввести волостные управления, подчинив их «полицейским управлениям на общих основаниях». Во вновь создаваемые административные органы предполагалось ввести в качестве должностных лиц «инородцев-христиан».

Особое внимание участники съезда уделяли вопросу о привлечении сибирских аборигенов к воинской повинности. По их мнению, привлечение аборигенов к отбыванию воинской повинности должно было привести к тому, что «ежегодно известный контингент людей, отбыв срок службы в войсках, будет возвращаться по домам в значительной степени обруселый». Иркутский архиепископ Вениамин предлагал пойти дальше этого. По его сло-

вам, следовало «вообще сравнять их (аборигенов. – *Авт.*) в правах и обязанностях с русскими крестьянами» [8].

Вениамину вторил Томский преосвященный Владимир. Он заявлял, что мера эта вполне применима и к «инородцам» Западной Сибири. Епископ Томский желательность этой меры видел еще и потому, что льгота язычников от воинской повинности служит благовидной причиной к отклонению языческими властями своих подданных от перехода в христианство, как первой степени привлечения инородцев к воинской повинности. Участники съезда рассмотрели и такой, казалось бы, далекий от нужд православия вопрос, как уплата аборигенами ясака. По мнению томского епископа Владимира, взнос ясака натурою существовал лишь по той простой причине, что «языческие власти из своекорыстных целей застрашивают их» (аборигенов. – *Авт.*) тем, что «за уплатою ясака деньгами последует обращение инородцев в крестьяне со всеми прочими тяготами». Нельзя не признать, что перевод ясачной подати в денежную форму отвечал объективным потребностям развития хозяйства народов Сибири, в котором все большее значение приобретали товарно-денежные отношения. Однако отнюдь не «языческие власти», а прежде всего коронное ведомство настаивало на сохранении натуральной формы уплаты ясачной подати [4].

В данном конкретном вопросе интересы церкви и коронного ведомства не совпадали. Следует также подчеркнуть, что ратование православных пастырей за перевод ясака в денежную форму объяснялось отнюдь не заботой об аборигенах, а стремлением поскорее обрусить последних, полностью приравнять их к русскому населению.

Иркутский съезд 1885 г. был не единственным съездом сибирских иерархов. В 1893 г. состоялся съезд миссионеров в Забайкалье. Вопросам усиления христианизации народов Сибири были посвящены собрания миссионеров, состоявшиеся в августе 1909 г. в Иркутске. Подготовку и работу собрания возглавлял начальник Иркутской духовной миссии епископ Иоанн. Основное внимание было уделено вопросам организационного укрепления миссии и расширению агитационной работы в пользу православия. Эти же вопросы находились в центре внимания участников съезда миссионеров, состоявшегося в следующем году в Иркутске. Это был первый съезд миссионеров после подавления самодержавием революции 1905–1907 гг. Поэтому неудивительно, что власти придавали ему большое значение. Обстоятельство это в значительной степени объясняется массовым отходом народов Сибири от православия в ходе первой русской революции.

Российская печать охарактеризовала Иркутский съезд как «первый в Сибири по количеству участников и важности вопросов, которые на нем должны быть поставлены и решены». К тому времени, несмотря на «весь официальный оптимизм» церковных иерархов, миссионерское дело в Сибири было далеко не в блестящем состоянии. «Количественные» результаты деятельности сибирских миссий были «крайне ничтожными». В 1906 г. «Алтайская миссия, несмотря на значительный штат миссионеров... не обратила ни одного инородца». То же самое можно сказать о миссиях Иркутской,

Якутской, Чукотской и Благовещенской. Киргизская миссия в 1906 г. окрестила всего 19 человек, в том числе только 8 киргизов. По этому поводу печать не без сарказма писала, что каждый крещеный в этой миссии «стоил более 700 руб.».

В целом результаты съезда и деятельность сибирских миссий печать оценивала весьма скромно: «Рутина, формальное отношение к делу, незнакомство с туземными языками – отличительные качества сибирских миссионеров». Совершенно очевидно, что теперь «сибирские миссии идут верным и быстрым шагом к самоупряднению». Свидетельство кадетской газеты в данном конкретном случае не просто интересно, но и важно еще и потому, что большинство фактов об антиклерикальных выступлениях крестьян в борьбе церкви с народными массами не было зафиксировано в опубликованных документах.

О необходимости наступательной позиции церкви в отношении «иноверцев» говорилось и на общероссийских миссионерских съездах. Первый такой съезд состоялся в Казани в 1885 г., второй – в Москве в 1891 г. Еще более воинственно было настроено духовенство на третьем съезде миссионеров, состоявшемся в том же году в Казани. Работой этого съезда руководил будущий обер-прокурор Синода В. К. Саблер, назвавший православие «краугольным камнем самодержавия». Для решения задачи обращения в православие всех иноверцев Сибири миссионеры стремились привлечь и высших правительственных чиновников. В 1892 г. в Петербурге с целью выработки общих организационных и идеологических мероприятий состоялось «особое совещание о мерах к облегчению христианской проповеди в Забайкалье». В совещании участвовали обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, министр внутренних дел П. Н. Дурново, приамурский генерал-губернатор А. Н. Корф и управляющий министерством императорского двора д. т. с. Н. С. Петров. Совещание рассмотрело предложения А. Н. Корфа о «мерах к усилению проповеди православия среди иноверцев».

Наиболее верным способом борьбы с ламаизмом и одновременно пропагандой православия Корф считал распространение «общего образования» среди аборигенов. Относительно ламаизма генерал-губернатор предлагал ограничиться тактикой невмешательства. Однако совещание не приняло предложения Корфа. Наоборот, оно признало «существенно необходимым» переработать положение о ламаистском духовенстве 1853 г. в сторону его ужесточения. Что же касается предложения генерал-губернатора о необходимости распространения между аборигенами «образования», то участники совещания признали его «заслуживающим внимания», однако требующим значительных денежных затрат. Поэтому они не пошли дальше рассуждений о пользе образования, высказавшись в конечном итоге за улучшение состава миссий, благоустройство миссионерских церквей и т. д. Меры эти должны были осуществляться распоряжением духовных властей.

В конце 1911 г. при Синоде состоялось очередное «особое совещание». Оно было посвящено изучению методов деятельности православных миссий среди нерусских народов Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. В это вре-

мя отход крещенных аборигенов от православия, начавшийся в ходе первой русской революции, несмотря на все старания духовных пастырей, продолжался. В таких условиях члены совещания пытались найти выход из создавшегося положения. Необходимость упрочения положения «первенствующей и главенствующей церкви» в России требовала принятия срочных и действенных мер по усилению пропаганды православия среди нерусских народов.

В то же время конечные цели этой пропаганды – обрусение и ассимиляция аборигенов с русским населением – оставались неизменными. События первой русской революции, сопровождавшиеся массовыми антиклерикальными выступлениями крестьян, заставили ревнителей православия быть более осмотрительными в выборе средств привлечения новой паствы. Поэтому совещание не рекомендовало каких-либо крутых мер, а ограничилось требованием к приходским священникам считать миссионерство «своею существою и непременною обязанностью, не возлагаемою исключительно на миссионеров».

Для усиления пропаганды православия рекомендовалось также проводить на языках народов Сибири проповеди и беседы, пение церковных песен, открытие школ «для детей язычников по системе Н. И. Ильменского», основание новых монастырей и т. д. По решению совещания и Синода в 1912 г. в Хабаровске и Тобольске были открыты курсы подготовки миссионеров, причем в Тобольске собирались только лица, имеющие высшее духовное образование. Характерна реакция самого духовенства на это решение Синода. Многие миссионеры восприняли его «со страхом и некоторой конфузливостью», а сами курсы называли «учреждением недоучек и малосведущих членов клира». Программа 4-недельных курсов была рассчитана на 140 часов. Наряду с традиционными для православной церкви курсами – история и обличение раскола – особое внимание теперь уделялось изучению истории и обличению социализма, искусству проповедничества, законоучительству и методике. Принцип свободы веротерпимости был закреплен в двух важнейших законодательных актах XIX и XX вв.: Уставе об управлении иноверцев 1822 г. и в манифесте 17 апреля 1905 г. В то же время принятие православия рассматривалось властями как положительное явление, и государство прилагало немало усилий для поднятия и распространения авторитета православной церкви в империи. Рассматривая вопрос о методах распространения православия, следует отметить, что крещение «по поводу» или «случаю» получило в Сибири широкое распространение. Издание юбилейных пропагандистских брошюр, устная агитация – все это должно было, по замыслу миссионеров, способствовать привлечению язычников на лоно православной церкви. В 1890 г. в Западной Сибири широко отмечали 60-летие со дня основания Алтайской православной миссии, а спустя два года – в 1892 г. – 100-летие со дня ее основателя архимандрита Макария. С целью популяризации и разъяснения его деятельности была выпущена специальная брошюра под названием «Архимандрит Макарий, основатель Алтайской миссии».

Наряду с этим организовывались совместные моления русских и аборигенов и т. д. Все это, по мысли начальника Тобольской епархии епископа

Бийского, должно было способствовать лучшему пониманию аборигенами превосходства православия над язычеством и усвоению ими основных догматов новой религии. Однако массовые крещения, неоднократно отмечаемые источниками на протяжении XIX в., носили, как правило, формальный характер. При этом основное внимание уделялось «на внешнюю сторону миссионерского деяния, т. е. на возможно большее количество крещений», а догматы и культы православия оставались непонятными для новой паствы. Примитивные языческие культы народов Сибири, особенно ее северных районов, были самым тесным образом связаны с существующими социальными отношениями и хозяйственным бытом аборигенов. Поэтому функциональное место христианства оказывалось совершенно иным; его догматы и культы не были рассчитаны на конкретную программу непосредственных действий.

Назначение религии – быть всеобщим основанием «для утешения и оправдания». Все это порождало многочисленные случаи двоеверия, свращения в язычество и т. д. Посетивший в 1833 г. Березовский округ тобольский гражданский губернатор Муравьев доносил начальству, что крещенные ханты и манси «ни в образе жизни, ни в образе мыслей... ни в чем не различаются от язычников и даже продолжают... тайно в лесах свое прежнее богослужение». Об основах веры они не имели «ни малейшего понятия». Несмотря на усилия православных миссий, положение не изменилось и 30 лет спустя. В 1864 г. Совет главного управления Западной Сибири констатировал, что христианство между северными народами Тобольской и Томской губерний распространено было «номинально», а аборигены в душе продолжали оставаться язычниками. Об этом же доносил товарищу обер-прокурора Ю. В. Толстому А. Забелин, представивший в 1869 г. подробный «Обзор деятельности миссионеров Березовского края». К началу XX в. практически все аборигены Березовского края были крещенные. В 1898 г. епископ Тобольский Агафангел доносил в Синод, что в районе действия Сургутской миссии «не было уже язычников инородцев», однако «качество» крещения было крайне низким. Подобные же явления отмечаются и в других сибирских епархиях.

В 1870–90-е гг. особенно агрессивно действовала Иркутская миссия, возглавляемая архиепископом Вениамином. В некрологе, посвященном памяти этого «опытного миссионера», особенно подчеркивалось, что он «с самоотвержением посещал самые отдаленные миссионерские станы, всюду наставляя деятелей миссии... крестить инородцев». Ко времени прибытия Вениамина в Иркутск в здешней епархии были крещены 7154 бурята. Однако этот благородный пастырь остался не удовлетворен достигнутыми результатами. Он развил столь энергичную деятельность по крещению бурят, что в период с 1873 по 1886 г. «просветил» 23 тыс. аборигенов. Эта просветительная деятельность Вениамина «во всей Восточной Сибири» оставила «неизгладимое впечатление».

Прибывший в 1875 г. в Иркутск новый генерал-губернатор А. П. Игнатьев – человек, по характеристике Победоносцева, «вполне русский, благо-

честивый, церковновоспитанный, принимавший к сердцу интересы церкви», – немедленно включился в кампанию по крещению бурят. Он сам ездил по миссионерским станам, убеждал коренных жителей губернии отречься от язычества и принять православие. Вениамин писал в Петербург Победоносцеву, что главный начальник края так горел желанием «всякого» бурята «принимать от купели крещения», что архиепископ вынужден был просить генерал-губернатора «не слишком продешевлять свое имя, довольно, если он начальников будет удостаивать такой чести». Не меньшую заинтересованность в этом деле проявляла и супруга генерал-губернатора, которая «также не раз была восприимчивой матерью при крещении бурят». Усилия светских и духовных властей не пропали даром.

В 1887 г. в Иркутской епархии был крещен 1751 человек, в 1888 г. – 1663, в 1889 г. – 1491, в 1890 г. – 2381. В Забайкальской области к 1885 г. было крещено 3956 бурят и эвенков. Кампания крещения аборигенов с новой силой развернулась в 1891 г., когда православные миссии решили использовать путешествие по Сибири наследника престола великого князя Николая Александровича, присваивая всем новокрещенным мужчинам имя Николай. Большую помощь в этом деле миссиям оказывали чины земской полиции. В июле 1891 г. балаганский окружной исправник Поздняков разослал главам бурятских ведомств циркуляр, в котором предписывал им принять «деятельное участие» и привлечь «к святому крещению возможно более число инородцев». Всех лиц, подлежащих крещению, следовало к определенному сроку «доставить в миссионерский стан». За неисполнение этого распоряжения бурятская родовая администрация должна была «ответить по закону». Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют со всей определенностью заключить, что угрозы эти не оставались только на бумаге. Поздняков и некоторые бурятские родоначальники оказались ретивыми православными пастырями.

Во время крещения бурят Балаганского округа по личному указанию исправника казаки ловили разбежавшихся по лесам от страха перед насильственным крещением мужчин и женщин, а сам Поздняков палкой избивал инаковерующих, стремясь подобными действиями заставить их креститься. От полицейских чинов не отставали и сами миссионеры. Жительница аларского ведомства М. Баканова жаловалась иркутскому генерал-губернатору А. Д. Горемыкину, что к ней в дом в глухую полночь ворвался священник Затопляев и попытался насильно окрестить ее. Когда женщина оказала сопротивление, ее связали, причем во время борьбы «вывихнули правую руку и повредили больно палец». Такие методы крещения были не единичны.

Христианизация коренных народов Сибири вызывала два последствия. С одной стороны, она укрепляла позиции самодержавия и церкви на окраинах империи, усиливала идеологическое воздействие царизма на народные массы. Преследуя ясно выраженные ассимиляторские цели, христианство выхолащивало самобытность коренных народов Сибири. С другой стороны, распространение православия среди народов Сибири имело и известное положительное значение. Принятие православия способствовало сближению

русского и коренных народов, крещенные аборигены вступали в более тесное общение с русскими, перенимали новые методы ведения хозяйства, легче усваивали духовную и материальную культуру русского народа. На методы и формы распространения православия определенное влияние оказывали экономические процессы, развитие капиталистических отношений, протекавшее очень быстро во второй половине XIX в. Не случайно исследователи истории церкви отмечают, что «переход от феодально-крепостнических методов христианизации к буржуазным составляет следующую стадию рассматриваемого процесса. Хронологически она охватывает период второй половины XIX – начала XX в.» Конфессиональная политика Российского государства в отношении сибирских «инородцев» была неразрывной составной частью имперской политики в Сибири в целом. В основе всех мероприятий самодержавия в церковной сфере в Азиатской России лежит признание большой политической и социокультурной значимости распространения православия среди инородцев. Принятие православия аборигенами рассматривалось как составной элемент политики интеграции. В то же время это был и важный социокультурный процесс.

Таким образом, в российской колонизационной модели восточных окраин империи политические и социокультурные цели взаимно дополняли друг друга. Это было еще одно отличие колонизационной политики России по отношению к окраинам государства от колониальных империй Запада.

Список литературы

1. Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. СПб. : Переселенческое управление, 1914. 578 с.
2. Дамешек Л. М. Потестарные институты власти народов Сибири, и их эволюция в административную систему империи в XVIII в. (К 280-летию со дня издания инструкции пограничным дозорщикам С. Л. Владислава-Рагузинского и 250-летия именного указа Сенату «Об отправлении капитана Щербачева в Сибирь...») // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. 2013. № 2 (10). С. 68–77.
3. Дамешек Л. М. Сибирские съезды православного духовенства о путях насаждения «русскости» среди коренного населения // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 36. С. 62–70.
4. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Ясак в Сибири в XVIII–XX веков. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 303 с.
5. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Перцева Т. А. Сибирские реформы М. М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. 339 с.
6. Дмитриев С. С. Православная Церковь и государство в предреформенной России // История СССР. 1966. № 4. С. 20–54.
7. М. М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма (к 180-летию сибирских реформ М. М. Сперанского) / Л. М. Дамешек [и др.]. Иркутск : Отгиск, 2003. 264 с.
8. Матханова Н. П. Публицистические сочинения епископа Вениамина (Благонаравова): задачи, темы, значение // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 36. С. 15–22.
9. Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб. : Синод. тип., 1901. 727 с.
10. Пытин А. Н. Религиозные движения при Александре I. Предисловие и примечания Н. К. Пиксанова. Пг. : Огни, 1916. 483 с.

References

1. *Aziatskaja Rossija. T. 1. Ljudi i porjadki za Uralom. Sankt-Peterburg: Pereselencheskoe upravlenie* [Asian Russia. Vol. 1. People and Orders Beyond the Urals]. St. Petersburg, Resettlement Administration, 1914, 578 p. (in Russian)
2. Dameshek L.M. Potestarnye instituty vlasti narodov Sibiri, i ih jevoljucija v administrativnuju sistemu imperii v XVIII v. (K 280-letiju so dnja izdaniya instrukcii pograničnym dozorshikam S. L. Vladislava-Raguzinskogo i 250-letija imennogo ukaza Senatu «Ob otpravlenii kapitana Shherbacheva v Sibir'...») [Potestary Institutions of Power of the Peoples of Siberia, and Their Evolution into the Administrative System of the Empire in the XVIII Century. (To the 280th Anniversary of the Publication of the Instructions to the Border Patrol Officers of S.L. Vladislav-Raguzinsky and the 250th Anniversary of the Nominal Decree to the Senate “On the Departure of Captain Shcherbachev to Siberia...”). *Vestnik Burjatskogo nauchnogo centra Sibirskogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences], 2013, no. 2 (10), pp. 68-77. (in Russian)
3. Dameshek L.M. Sibirskie s'ezdy pravoslavnogo duhovenstva o utjah nasazhdenija “russkosti” sredi korennoho naselenija [Siberian Congresses of the Orthodox clergy on ways of planting “Russianness” among the indigenous population]. *Izvestija IGU. Serija istorija* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series History], 2021, no. 36, pp. 62-70. (in Russian)
4. Dameshek L. M., Dameshek I. L. *Jasak v Sibiri v XVIII-XX vekov* [Yasak (taxation) in Siberia in the 18th – 20th Centuries]. Irkutsk, IGU Publishing House, 2014, 303 p. (in Russian)
5. Dameshek L.M., Dameshek I.L., Perceva T.A. *Sibirskie reformy M.M. Speranskogo 1822 g.: opyt administrativnogo regulirovanija interesov centra i regiona* [Siberian Reforms of M. M. Speransky in 1822: Experience of Administrative Regulation of the Interests of the Center and the Region]. Irkutsk, Publishing House of the IGU, 2017, 339 p. (in Russian)
6. Dmitriev S.S. Pravoslavnaja Cerkov i gosudarstvo v predreformennoj Rossii [The Orthodox Church and the State in the Pre-reform Russia]. *Istorija SSSR* [History of the USSR], 1966, no. 4, pp. 20-54. (in Russian)
7. Dameshek L.M. et al. *M.M. Speranskij: sibirskij variant imperskogo regionalizma (k 180-letiju sibirskih reform M.M. Speranskogo)* [M.M. Speransky: the Siberian Version of Imperial Regionalism (to the 180th Anniversary of the Siberian Reforms of M.M. Speransky)]. Irkutsk, Ottisk, 2003, 264 p. (in Russian)
8. Mathanova N.P. Publicisticheskie sočinenija episkopa Veniamina (Blagonravova): zadachi, temy, znachenie [Journalistic Writings of Bishop Veniamin (Blagonravov): Tasks, Themes]. *Izvestija IGU. Serija istorija* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series History], 2021, no. 36, pp. 15-22. (in Russian)
9. *Obzor dejatelnosti vedomstva pravoslavnago ispovedanija za vremja carstvovanija imperatora Aleksandra III* [Review of the Activities of the Department of the Orthodox Confession During the Reign of Emperor Alexander 3]. St. Petersburg, Synodal Printing House, 1901, 727 p. (in Russian)
10. Pypin A.N. Religioznye dvizenija pri Aleksandre I. Predislovie i primečanija N.K. Pikanova [Religious Movements under Alexander I. Preface and Notes by N.K. Pikanov]. *Petrograd. Ogni* [Lights], 1916, 483 p. (in Russian)

Сведения об авторе

Дамешек Лев Михайлович
доктор исторических наук, профессор
Байкальский государственный университет
664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11
e-mail: levdameshkek@gmail.com

Information about the author

Dameshek Lev Mikhailovich
Doctor of Historical Sciences, Professor
Baikal State University
11, Lenin st., Irkutsk, 664003, Russian Federation
e-mail: levdameshkek@gmail.com

Статья поступила в редакцию **10.09.2023**; одобрена после рецензирования **01.10.2023**; принята к публикации **31.10.2023**
The article was submitted **September, 10, 2023**; approved after reviewing **October, 01, 2023**; accepted for publication **October, 31, 2023**